Страж №1

Алексей Фрост

Страж

«Автор»
2026

Фрост А.

Страж / А. Фрост — «Автор», 2026

Зал на среднем ярусе, без окон. Айя Курэха приходит туда раньше всех и становится пятой, когда входит четвёртая. Она не знает, кто её позвал и зачем.Корпус Стражей держит мир в порядке: порядок — это контракт, долг и тишина. Айя решила, что ей нужны работа и крыша. Вопросы пришли сами.Её дар берёт кровь — свою и чужую — и взамен отдаёт силу. Чем больше она берёт, тем ближе к краю. Питер Джексон молчит, и в его молчании есть что-то, чего не должно быть у человека.Первая книга цикла «Стражи».

© Фрост А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ 6
ПЯТЫЙ 6
ГЛАВА ВТОРАЯ 8
ТИРЕ 8
ГЛАВА ТРЕТЬЯ 10
РАСКАТ 10
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ 12
КОМНАТА 12
ГЛАВА ПЯТАЯ 15
ДОПУСК 15
ГЛАВА ШЕСТАЯ 17
СЕРО-СИНИЙ 17
ГЛАВА СЕДЬМАЯ 19
ГУЛ 19
ГЛАВА ВОСЬМАЯ 21
СТОРОЖ 21
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Алексей Фрост
Страж

СТРАЖИ
Книга первая · Девятая строка
«Мы приходим, когда тихо»
девиз Дома Курэха

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПЯТЫЙ

* * *

Зал был на среднем ярусе, и в нём не было окон.

Айя вошла в десять минут девятого. Она всегда приходила рано — не из усердия, а потому что дома в это время было нечего делать. Дома было тихо, и тишина там стояла такая, что её слышно было за стеной, в трубах.

В зале стояли четверо.

Она остановилась в дверях и посчитала их прежде, чем поняла, что считает. Один у стены, спиной к ней, широкий, в тёмном. Второй сидел на подоконнике, которого здесь не было, — то есть сидел на выступе под потолочной панелью, свесив ногу. Третья стояла ровно посреди зала, лицом к двери, и смотрела на вошедшую так, будто ждала её дольше, чем следовало. Четвёртый был маленький, у самого дальнего окна, и держал руки в карманах.

Четверо. Значит, место пятое.

Айя прошла вдоль стены, ища, где встать. У стены было свободно. У окна было свободно. Между вторым и третьим было свободно. Она сделала ещё шаг и поняла, что свободно везде, и это хуже, чем если бы свободного не было вовсе.

— Сюда, — сказала та, что стояла посреди зала.

Айя посмотрела на неё.

— Вы стоите в дверях, — сказала та. — Так стоят, когда ждут, что их остановят. Вас никто не остановит. Идите сюда.

Она пошла. Пол был выложен плиткой, и плитка была старая, в мелких трещинах, и в трещинах держалась пыль, которую здесь не выметали годами.

— Кира Амано, — сказала та, когда Айя подошла. — Голос.

Это было сказано не как представление, а как опись.

— Айя Курэха, — сказала Айя.

— Знаю.

Кира не протянула руку. Она вообще не сделала ни одного лишнего движения, и в этом было что-то от человека, который привык, что к нему подходят сами.

Широкий у стены обернулся. У него было лицо человека, который давно перестал ждать от людей чего-то хорошего и не считал это поводом для грубости.

— Джек Верес, — сказал он. — Якорь.

Маленький у окна шагнул вперёд и оказался не таким уж маленьким.

— Сэм Ардин, — сказал он. — Клинок. — И, помолчав: — Это не я себя так назвал.

— А кто? — спросила Айя.

— Бумаги, — сказал Сэм.

Четвёртый не подошёл и не назвался. Он сидел на выступе, свесив ногу, и смотрел не на Айю, а в ту точку в воздухе, где никого не было. Ему было лет тридцать. Он был очень чистый — так чистят те, кому важно, чтобы на них не смотрели.

— Питер, — сказала Кира. — Он не любит, когда его будят.

— Я не сплю, — сказал Питер, не поворачиваясь.

— Знаю.

Больше никто ничего не сказал. Айя стояла между Джеком и Кирой и ждала, когда ей объяснят, что здесь вообще происходит.

Никто не объяснил.

Прошло, наверное, минут пять. Панели на потолке гудели на одной ноте, и от этого гудения начинало слегка ломить в висках. Сэм дважды переступил с ноги на ногу. Джек смотрел на дверь, как смотрят на дверь, из которой должны войти.

Потом дверь открылась, и вошла женщина в тёмно-сером.

Она была сухая, невысокая, и седые волосы были стянуты в узел так туго, что кожа на висках натянулась. В руке она держала папку — обычную, бумажную, с завязками.

— Пятый, — сказала она. — Значит, всё-таки есть.

— Есть, — сказала Кира.

Женщина обошла их по кругу. Не разглядывая — считая. Айя поймала себя на том, что стоит очень прямо, и заставила себя перестать.

— Ирма Даль, — сказала женщина, останавливаясь перед ней. — Реестр. Вы — девятая строка.

— Девятая, — повторила Айя.

— Именно.

Даль раскрыла папку, что-то в ней нашла, кивнула сама себе и закрыла.

— Я не буду объяснять вам, зачем вы здесь, — сказала она. — Вам объяснят в течение месяца. Я скажу одно, и это единственное, что вам действительно нужно знать сегодня: вас не выбрали. Вас вписали. Это разные вещи, и разница обнаружится позже.

Она повернулась и пошла к двери. У двери остановилась.

— Допуск завтра, в шесть. Опоздавших вносят отдельной строкой.

Дверь за ней закрылась.

Сэм выдохнул так, будто всё это время держал воздух.

— Она всегда так?

— Всегда, — сказала Кира.

* * *

Обратно Айя шла одна.

Коридор северного корпуса был узкий и тёплый, с трубами под потолком, и трубы эти щёлкали через равные промежутки — так щёлкает металл, когда по нему идёт горячее. Она считала щелчки, потому что считать было легче, чем думать.

На третьем повороте её кто-то окликнул.

— Курэха.

Она обернулась.

Мужчина шёл ей навстречу, высокий, коротко стриженный, в форме, и через левую бровь у него шёл шрам — тонкий, старый, аккуратный, как будто его поставили нарочно.

Он остановился в двух шагах.

— Рю Канеда, — сказал он. — Строка восьмая. — И, помолчав ровно столько, сколько нужно, чтобы это не выглядело навязчиво: — Доброе утро.

Айя не сразу нашла, что ответить. За весь день с ней никто не поздоровался.

— Доброе, — сказала она.

Канеда кивнул и пошёл дальше.

Она смотрела ему в спину, пока он не свернул за угол, и всё это время думала о том, что он сказал «восьмая строка» раньше, чем назвал своё имя. Так человек говорит о росте, а не о том, кто он.

Дома было тихо. В трубе за стеной переливалась вода.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ТИРЕ

* * *

Клерка звали Вэн Тарр, и он работал в Реестре двадцать девять лет.

Об этом Айя узнала позже, а тогда она просто стояла перед окошком и смотрела, как он пишет.

Помещение Реестра было на среднем ярусе, но ниже зала, и в нём было тесно от шкафов. Шкафы были бумажные, настоящие, с деревянными ящиками и медными ручками, и в помещении пахло не пылью, а чернилами — остро, кисло, как пахнет в мастерской, где точат металл.

— Курэха, — сказал Вэн Тарр, не поднимая головы. — Ивель-Вей. Закрытая.

— Да.

— Двадцать три.

— Да.

Он достал бланк. Бланк был плотный, с водяным знаком по краю — герб Алъянса, три круга в треугольнике. В поле «имя» стоял прочерк. Не буква, не крестик — короткая ровная черта, проведённая от руки.

Тарр посмотрел на неё, потом на прочерк, потом опять на неё.

— У вас в поле имя, — сказал он.

— Там прочерк.

— Там имя. — Он перевернул бланк к ней. — Видите? Прочерк — это когда нечего писать. У вас есть что писать, но написали прочерк. Разница есть.

Айя смотрела на короткую ровную черту, и черта смотрела обратно.

— Это не я писала.

— Я знаю, — сказал Тарр. — Это писали до вас. — Он взял перо, обмакнул и поставил в поле «имя» тире. Ровное, длинное, на всю ширину клетки. — Поле требует. Если не поставить, бланк вернут, и я буду объяснять, почему вернули, и меня не поймут.

Он поставил тире и присыпал песком.

— Всё, — сказал он. — Строка девять. Допуск испытательный.

Айя не уходила.

— А что было в поле? — спросила она. — До прочерка.

Вэн Тарр поднял голову. У него было усталое лицо человека, который двадцать девять лет отвечает на вопросы, на которые не должен отвечать.

— Вы, — сказал он. — Было ваше имя. Оно и сейчас там.

— Но вы поставили тире.

— Я поставил тире в поле. — Он подул на бланк. — Поле — это не имя. Поле — это место, куда имя вписывают. Место я зачернил, имя осталось под ним.

Он протянул ей копию. Айя взяла.

— Ищите человека, который поставил прочерк, — сказал Тарр, уже глядя в следующий бланк. — Тире ставлю я, прочерк — не я.

* * *

Вечером она положила копию на стол и села напротив.

В бланке было девять строк. Её — последняя. Восемь выше были заполнены ровным писарским почерком, и в каждой было имя, год рождения, Печать и графа допуска.

Только в её строке в поле «имя» стояло тире, и под тире просвечивало что-то ещё — на просвет, если поднести к лампе, было видно, что бумага в этом месте продавлена. Продавлена дважды. Сначала что-то написали, потом зачернили, потом написали прочерк.

Айя поднесла бланк к лампе и держала, пока не заболели руки.

Буквы под чернилами не читались. Но продавленность осталась, и она была длинная — длиннее, чем нужно для короткого имени. Длиннее, чем «Курэха».

Она убрала бланк в ящик и легла.

Ночью ей показалось, что в трубах за стеной кто-то повторяет одно и то же слово. Она лежала и слушала, и слово было похоже на её имя, но не её.

К утру это оказался просто стук.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РАСКАТ

* * *

Вейл Ост пришёл на четвёртый день, и пришёл не один.

С ним было двое в сером — не охрана, охрана в Корпусе ходила иначе, — а двое из тех, кто носит бумаги в кожаных папках и не снимает перчаток в помещении.

Айя мыла пол в коридоре, потому что это была её очередь, и поэтому видела всё с колен.

Вейл Ост был высокий, сухой, лет пятидесяти, и говорил так, будто каждое его слово уже где-то записано и проверено.

— Мне нужен Ардин, — сказал он.

Джек стоял у стены, и в руке у него была тряпка.

— Сэм Ардин приписан к пятёрке, — сказал он.

— Сэм Ардин приписан к контингенту Тал-Морн. — Вейл Ост не повысил голоса. — Квота контингента — двенадцать человек. Одиннадцать заняты. Двенадцатый — Ардин.

— Его перевели.

— Перевели по ошибке. — Вейл Ост достал из папки лист. — Здесь стоит подпись. Не моя. Я не подписывал перевода.

Джек посмотрел на лист. Айя видела, как он смотрит — так смотрят на цифру, которая не сходится, и от этого сходится всё остальное, только нехорошо.

— Подпись настоящая, — сказал он.

— Подпись настоящая, — согласился Вейл Ост. — Поэтому я здесь, а не в канцелярии. Я не спорю с подписью. Я забираю человека.

Сэм всё это время стоял у окна и молчал. Теперь он сказал:

— А если я не пойду?

Вейл Ост повернулся к нему. Впервые за весь разговор он посмотрел на кого-то, кроме Джека.

— Тогда вы остаётесь в пятёрке, — сказал он. — И через месяц кто-то из вашей пятёрки пойдёт на освободившееся место в контингенте. Не вы — кто-то другой. Квота не обсуждается. Квота — это число.

Он закрыл папку.

— Я даю вам сутки.

* * *

Сутки прошли.

Сэм остался.

Айя узнала об этом от Киры, а Кира узнала от бумаги, которую ей принесли в комнату и которая называлась «уведомление о неполном составе».

— Неполный состав, — сказала Кира. — Пятёрка неполная. Это законно.

— Пятёрка из четырёх человек?

— Из четырёх, из трёх, из одного. — Кира положила бумагу на стол и разгладила её ладонью. — Неполный состав — это когда в пятёрке есть вакансия. Вакансию нельзя заполнить никем, кроме того, кого впишут. Вписывают Реестр и Конклав. Пока не впишут, мы неполные, и всё, что мы делаем, имеет силу.

— И что это значит на деле?

— На деле это значит, что если нас отправят на задание и кто-то пострадает, отвечать будет тот, кто отправил. — Кира подняла на неё глаза. — Потому что он знал, что мы неполные, и всё равно отправил.

Айя помолчала.

— А если впишут?

— Тогда полные. Тогда отвечаем мы.

Кира сказала это без всякого выражения, как говорят про погоду в чужом городе.

* * *

Вечером Джек нашёл Айю в коридоре и остановился рядом.

— Ты поняла, что было? — спросил он.

— Вейл Ост хотел забрать Сэма.

— Вейл Ост хотел забрать Сэма, — согласился Джек. — А получилось наоборот. Теперь у нас в бумагах вакансия, и пока она есть, Корпус не может нас ни послать, ни разогнать без объяснений. — Он помолчал. — Сэм остался не потому, что его не забрали. Его забрали, а он не пошёл. Разница огромная, и её никто в бумагах не увидит.

Он ушёл.

Айя стояла в коридоре и думала о том, что впервые за четыре дня ей сказали что-то, чего нет в бланках.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

КОМНАТА

* * *

Зал для тренировок был на среднем ярусе, и в нём не было окон.

Свет шёл от потолочных панелей — ровный, без теней, такой, что от него через полчаса начинали болеть глаза. Курсанты стояли вдоль стены в один ряд. Их было семеро, все в сером, и все смотрели прямо перед собой.

Айя стояла с краю, у двери.

— Смотрите, — сказала Кира.

Она вышла на середину зала и остановилась. Ничего не произошло. Кира стояла секунду, две, три, и Айя уже подумала, что ничего и не будет, — а потом поняла, что не дышит.

Курсанты не двинулись с места. Ни один. Но в зале стало темнее, хотя свет не менялся, и тени от людей вдоль стены вытянулись в одну сторону — к Кире, будто их тянули за нитку.

— Дар второй, — сказала Кира, не оборачиваясь. — Комната. Я смотрю на человека дольше двух секунд, и он оказывается в комнате, которой нет. В комнате темно. Темно так, что не видно рук.

Она повернула голову к одному из курсантов — высокому парню с короткими светлыми волосами.

— Гарм.

Парень не ответил.

— Гарм, — повторила Кира. — Скажи что-нибудь.

Он открыл рот. Айя увидела, как двигаются его губы, и не услышала ни звука.

Прошла секунда. Две. На третьей Кира моргнула и отвернулась, и звук вернулся сразу весь — гул панелей, шорох ткани, чьё-то дыхание.

Гарм стоял на том же месте. Он даже не покачнулся.

— Вот и всё, — сказала Кира.

Парень медленно поднял руку и вытер рот тыльной стороной ладони.

— Я не слышал тебя, — сказал он. — Я тебя не слышал и не видел. Я вообще ничего не видел.

— Знаю.

— Там было не темно. — Он говорил ровно, но слишком часто моргал. — Там было никак.

— Знаю.

Кира повернулась к остальным курсантам.

— Следующий.

* * *

Она показала так восемь раз.

Не на всех. Двое вышли из Комнаты сами, и им было довольно плохо, но они вышли. Трое не вышли, и Кире пришлось отпускать их — просто отводить взгляд и ждать, пока человек вернётся.

Последним был тот самый парень с короткими светлыми волосами.

— Гарм, ты уже был, — сказала Кира.

— Я хочу ещё.

— Зачем?

Он не ответил сразу.

— Потому что в первый раз я не понял, что это было, — сказал он наконец. — Я хочу понять.

Кира смотрела на него дольше, чем на остальных.

— Хорошо, — сказала она.

Она посмотрела.

И на этот раз он не открывал рот. На этот раз он стоял, и стоял, и стоял, и на четвёртой секунде его колени подогнулись — не резко, а медленно, как подгибаются ноги у человека, который засыпает стоя.

Он упал на пол. Не плашмя, а осел, и голова его стукнула о плитку.

Кира не отвела взгляд.

— Кира, — сказала Ирма Даль.

Никто не видел, когда она вошла. Она стояла у двери, и в руках у неё была та же папка.

— Отпусти.

— Он пробыл дольше двух секунд.

— Отпусти, — повторила Даль. — Ты уже проиграла. Не усугубляй.

Кира моргнула.

Гарм лежал на полу. Он дышал — Айя видела, как поднимается его спина, — но не двигался, и глаза у него были открыты.

К нему подбежали двое курсантов. Один из них, опустившись на колени, позвал его по имени, потом ещё раз, потом начал трясти за плечо.

— Не трогайте, — сказала Даль. — Вынести.

Его подняли под руки и вытащили за дверь. Дверь закрылась.

В зале стало очень тихо.

— Он вернётся, — сказала Даль, глядя на Киру. — Не потому что ты его отпустила. Потому что ты его держала недолго. Если бы ты держала его ещё две секунды, он бы вернулся другим человеком, и это уже было бы в бумагах.

Кира ничего не сказала.

— Впредь, — сказала Даль, — показываете Комнату на мне. Я подписываю согласие и знаю, на что иду. Курсанты не подписывают ничего.

Она повернулась и вышла.

* * *

Айя вышла следом и догнала её в коридоре.

— Он вернётся? — спросила она.

Даль остановилась.

— Вернётся, — сказала она. — Через неделю. С ним будут говорить, и он скажет, что ничего не помнит. — Она помолчала. — И он не соврёт. Он действительно не будет помнить.

— Это правда так работает?

— Это работает так, — сказала Даль, — что никто не платит за Дар своей шкурой. Платят чужие. — Она посмотрела на Айю. — Вы это увидели на четвёртый день. Другие узнают на четвёртый год, и это дороже.

Она пошла дальше.

Айя вернулась в зал. Кира всё ещё стояла на середине, на том же месте, и смотрела на плитку, где осталось тёмное пятно.

— Ты знала, что так будет? — спросила Айя.

— Да.

— И всё равно посмотрела второй раз.

Кира подняла голову.

— Он попросил, — сказала она. — Если человек просит и ты отказываешь, он идёт просить к другому. А другой не остановится.

Она прошла мимо Айи к двери.

— И запомни, — сказала она уже от двери. — Я отпустила его, потому что рядом была Даль. Если бы Даль не было, я бы не отпустила. Не потому что я плохая. Потому что я бы не поняла, что пора.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ДОПУСК

* * *

Допуск вели в том же зале, но стол передвинули на середину, и за ним сидели двое.

Джек стоял. Перед ним лежала книга, и Ирма Даль сидела рядом, и перо держала она, а не он.

Курсантов было шестеро. Гарма в шеренге не было.

— Начинаем, — сказал Джек. — Я читаю, Даль отмечает. Вопросы потом, если будут.

Он читал ровно, без заминок, и в голосе у него не было ни торжественности, ни удовольствия. Так читают список вещей, которые нужно взять в дорогу.

— Гарм Ост. Допуск полный.

Даль поставила отметку и не подняла глаз.

— Ивон Кейл. Допуск полный. — Джек перевернул страницу. — Айрин Велль. Допуск полный.

Никто в шеренге не перебивал. Люди стояли и слушали свои имена так, будто слышали их впервые.

— Тэсс Амано, — прочитал Джек. — Допуск полный.

Даль поставила отметку.

— Вейл Ост. Допуск полный. — Джек перевернул страницу. — Сестра Ив. Допуск полный. Рю Канеда. Допуск полный.

Он закрыл книгу и положил на неё ладонь.

— Отдельно, — сказал он. — Курсант Тэйр, второго набора.

В шеренге кто-то шевельнулся.

— Заявка на вакансию первой строки, — сказал Джек. — Рассмотрена. Отказ.

Он открыл книгу на другой странице.

— Тэйр, второго набора. Допуск закрыт.

Даль обмакнула перо и провела им по строке. Один раз, ровно, от начала до конца. Чернила легли густо, буквы под ними ещё читались, но уже ничего не значили.

Она закрыла книгу и сложила руки поверх неё, и в этом движении было столько же окончательности, сколько в замке.

— Почему? — спросил кто-то из шеренги.

— Потому что так записано, — сказала Даль, не поворачивая головы.

— Он был лучший на третьем испытании.

— Да, — сказала Даль. — Был.

И никто не стал спорить. Айя ждала, что кто-нибудь скажет ещё слово, но слово не сказали, и тишина в зале стала плотной, как вода в трюме.

— Курэха Айя, — сказал Джек последней. — Ивель-Вей, закрыта. Допуск испытательный. Месяц.

Даль подняла голову и посмотрела на неё поверх стола. Глаза у неё были светлые и совершенно спокойные.

— Испытательный, — повторила она, — значит, что через месяц вас могут вычеркнуть так же. Ровной линией. Без объяснений.

Она сказала это без угрозы. Как говорят про погоду в чужом городе.

— А его? — спросила Айя. — Тэйра. Что с ним будет.

— Ничего, — сказала Даль. — Он останется курсантом второго набора. Дослужит до конца цикла. Потом уйдёт домой, и дом его примет, потому что его Печать не закрыта.

— А в чём разница?

Даль немного помолчала.

— Разница в том, — сказала она, — что его строка осталась в книге. Просто без допуска. — Она подняла перо и показала ей. — Чернила на ней есть. Сотрёте — увидите его имя. У вас в книге чернил нет вообще. У вас тире.

Когда все вышли, Айя обернулась в дверях.

Даль всё ещё сидела над закрытой книгой, положив на неё ладонь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СЕРО-СИНИЙ

* * *

Форму выдали в каптёрке на первом ярусе, вместе с двумя парами обуви и счётом, который Айя подписала не читая.

Серо-синяя.

Не серая и не синяя — цвет между ними, которого не бывает в природе: его придумали, чтобы человек в нём перестал быть заметен на любой стене.

Куртка села сразу. Штаны пришлось подшить, и Айя подшила их сама, в каптёрке, у окна, которым не пользовались.

Канеда пришёл, когда она складывала старую одежду в свёрток, и встал в дверях, не заходя внутрь.

— Это не твоё, — сказал он. — Но носи.

— Я знаю, чьё, — сказала Айя. — Оно ваше, а не моё.

Канеда посмотрел на неё внимательно и ничего не ответил. Только потом, когда она застёгивала ворот, сказал:

— У формы нет владельца. Её выдают и забирают. Если будешь думать о ней как о чужой вещи, ты пройдёшь месяц. Если как о своей, тебя вычеркнут на первой неделе.

Айя кивнула. Это была самая длинная речь, которую она от него слышала.

У зеркала она повернулась боком и посмотрела на себя.

На серо-синем не было ни одного знака. Ни печати, ни нашивки дома, ни отметки строки — ничего, что говорило бы, откуда она.

— Здесь не будет знака Ивель-Вей, — сказал Канеда. — Закрытая печать не нашивается. В Корпусе это не скрывают, но и не объясняют.

— А если спросят?

— Скажешь, что закрыта. Больше ничего не обязана.

* * *

В коридоре её остановили двое.

Не окликнули — просто встали так, чтобы пройти мимо было нельзя.

— Это чей цвет? — спросил тот, что был выше.

Айя посмотрела на свою куртку, потом на его. Он был точно такой же.

— Ваш, — сказала она.

Они переглянулись. Один что-то сказал другому вполголоса, и она не разобрала слов, но поняла, что её не узнали: не по лицу, а по тому, что на ней было.

— Иди, — сказал тот, что был выше, и они посторонились.

Айя прошла. За спиной было тихо, и в этой тишине не было ни злобы, ни любопытства — только то, как люди смотрят на вещь, которая стоит не на своём месте, и не могут вспомнить, почему их это беспокоит.

* * *

У лестницы она остановилась и посмотрела на свой рукав ещё раз.

Серо-синий был ровным, без единого пятна, и в нём её нельзя было отличить ни от кого в этом корпусе.

Она постояла так с минуту, а потом полезла в карман за пропуском и нащупала там бумагу.

Копия бланка. Та, с тире.

Айя развернула её и поднесла к свету из-под потолочной панели. Тире было на месте. Продавленность под ним — тоже.

Она сложила бумагу и убрала обратно.

Впервые за месяц ей стало не всё равно, кто поставил прочерк.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ГУЛ

* * *

Ему было тринадцать, когда он услышал впервые.

Было лето, но в цеху лета не бывает: жара там от горна, а не от солнца, и Сэм знал разницу раньше, чем выучил буквы.

Отец варил у третьей стены. Маска была поднята на лоб, очки дымились, и он не обернулся, когда в цех вошла мать.

Сэм сидел на ящике у верстака и держал в руках напильник. Ему не разрешали трогать инструменты, но напильник был старый, сточенный, и его не было жалко.

— Ты опять, — сказала мать.

Отец не ответил. Он провёл швом ещё раз, и искры легли на пол ровным полукругом.

— Я спрашиваю, — сказала она. — Или ты теперь только с железом разговариваешь?

Она говорила тихо. Так говорят в цеху, где всё заглушает шум, и это было хуже крика, потому что крик можно было не расслышать.

Отец опустил маску и посмотрел на неё. Потом на Сэма. Потом опять на неё.

Сэм не помнил, как встал. Помнил только, что оказался между ними, ближе к отцу, лицом к матери, и что напильник остался в руке.

Он хотел сказать, что ничего не случилось. Что они просто стоят и разговаривают. Что не надо.

Он не сказал ничего.

И тогда над столом вспыхнул воздух.

Не огонь. Воздух — так, как вспыхивает сухая тряпка, если рядом искра: раз, и уже нет. Свет прошёл от лампы до дальней стены и погас, и на секунду в цеху стало так тихо, что Сэм услышал, как в трубе за стеной переливается вода.

Мать отступила на шаг.

— Что это? — спросила она. — Что это было?

Отец не смотрел на неё. Он смотрел на сына, и в его лице не было ни страха, ни удивления — только счёт, как у человека, который прикидывает, сколько стоит то, что он видит.

— Вот что, — сказал он наконец. — Этот ребёнок стоит трёх лет пайка.

Он сказал это ровно, без злости. Как говорят про хорошую сделку.

Мать вышла из цеха в тот же вечер. Она не брала с собой ничего, и никто её не останавливал, потому что останавливать было некому: отец уже считал.

А Сэм остался сидеть на ящике с напильником в руке, и в ушах у него стоял звук, которого до этого не было.

Сначала это был тихий звон, тонкий, как от натянутой проволоки. Он держался весь вечер и не проходил, и Сэм решил, что это от вспышки.

Ночью звон стал гулом. Гул был ниже, чем можно услышать ухом, — он шёл в костях, в запястьях, в зубах, и от него было трудно думать.

А к утру он стал громом.

Гром был без источника. Небо было ясное, в цеху всё было цело, и никто ничего не слышал, кроме него. Он лежал на полу и считал, чтобы не слушать: раз, два, три — но гром не заканчивался, и счёт не помогал.

Он не сказал об этом отцу. Он вообще больше ничего отцу не говорил.

Гул ушёл только к вечеру, когда стук, шипение и лязг в цеху сделались громче его.

Тогда Сэм понял первое, что понял в жизни: гул не проходит сам. Его перекрывают.

* * *

С тех пор он искал места, где шумно.

Он мог сидеть у молота часами и не жаловаться на голову, и взрослые хвалили его за усердие. Он вызывался работать в ночную, когда запускали большой пресс, и пресс бил так, что дрожали стены, и в эти часы ему было легче всего.

Дважды он засыпал прямо в цеху, у стены, — и оба раза его будили и оба раза не ругали, потому что считали, что мальчик переработал.

Ему было тринадцать. Он ещё не знал, что это называется Даром.

Он знал только, что тишина теперь для него — не отдых, а самое громкое, что бывает.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СТОРОЖ

* * *

Проход между третьим отсеком и складом завалило за ночь.

Никто не слышал, как это случилось: утром блоки лежали поперёк коридора, ровно, один к одному, и щели между ними были такими узкими, что в них не проходил свет.

Айя пришла к шести. Сэм уже был там и стоял, приложив ладонь к верхнему блоку.

— Тёплый, — сказал он. — Сверху тёплый. Значит, положили недавно.

— Или его грело что-то другое, — сказала Кира.

Джек обошёл завал дважды, с одной стороны и с другой, и оба раза вернулся с одним и тем же лицом.

— В бумагах прохода нет, — сказал он. — Я смотрел. Его никогда не было. По планам тут стена, и она тут всегда стояла.

— А вчера? — спросила Айя.

Джек посмотрел на неё.

— Вчера я ходил через него два раза. — Он сказал это ровно, без нажима. — Значит, вчера я ходил через стену.

* * *

Питер пришёл последним.

Он всегда приходил последним и никогда не объяснял, где был.

Он остановился перед завалом и не стал его разглядывать. Он смотрел вдоль коридора, туда, где проход уходил в темноту, и в темноте ничего не было видно.

Потом он поднял руку и щёлкнул пальцами. Один раз, коротко, как щёлкают, проверяя, горит ли свет.

Ничего не произошло. Сэм что-то сказал Кире вполголоса, и его голос в тишине прозвучал слишком громко.

Потом Айя услышала шаги.

Они шли не со стороны лестницы. Они шли из темноты, ровные, спокойные, и их было четверо.

Первой шла девушка с чёрными волосами ниже талии и чёрными крыльями за спиной, сложенными как ангельские. Она не складывала их до конца. За ней — высокая, тонкая, с руками, которые не знали, куда себя деть, потому что привыкли держать. Третьим — юноша, которого в коридоре не было мгновение назад, а потом он уже стоял у завала. Последним — самый молодой на вид, тихий, с открытыми ладонями.

Лица у них были.

Это было хуже, чем если бы их не было.

Айя видела их ясно, до пуговицы на вороте, и всё равно через минуту не смогла бы сказать, какие у них глаза. В памяти оставалось ровное место, как на листе, с которого стёрли написанное.

— Нэйра, — сказал Питер негромко. — Иви. Рэй. Корн.

Каждое слово было просто словом. Он не приказывал. Он просил, и это было слышно, и четверо уже двигались.

Нэйра и Корн взялись за верхний блок. Рэй исчез и оказался с другой стороны завала — не прошёл, а уже был там.

Иви не двинулась. Она стояла и смотрела на Сэма.

Нэйра опустилась на колено у стены, у самого края кладки, и Айя увидела, что она делает, хотя видеть этого не должна была: она держала ладони над трещиной в основании, и трещина под ними сходилась, как сходится кожа. Людей она не лечила. Камень — не человек.

Сэм почувствовал это и отступил на шаг, и его рука дёрнулась к поясу, где ничего не было.

— Не смотри на неё, — сказал Питер, не поворачиваясь. — Она не для тебя.

Иви отвела взгляд. Айя поняла, что всё это время не дышала.

* * *

Работа заняла меньше часа.

Проход освободился, блоки легли вдоль стены ровным штабелем, и пыль, которую они подняли, осела сразу, как оседает пыль, когда её не трогают.

Потом четверо повернулись и ушли в темноту, из которой пришли, и шаги их стихли не постепенно, а разом.

Питер опустил руку.

— Всё, — сказал он. — Расходимся.

Айя хотела спросить, кто это был.

Она открыла рот и обнаружила, что не помнит, кого собиралась спросить.

* * *

Джек стоял рядом и смотрел на освободившийся проход с таким лицом, будто пытался вспомнить, зачем сюда пришёл.

— Ты что-то говорил, — сказала Айя. — Про бумаги. Что прохода нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.